

Т.6. СПб., 1908. С.261-269

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Восемнадцатый век делили между собою две философские школы; они же делят и революцию. - Жирондисты принадлежат к сенсуалистической и рационалистической школе, к школе энциклопедистов, а Робеспьер - к школе чувства, школе Жан-Жака. - Объяснение этого. - Между этими двумя школами нет действительных противоречий. - Прискорбное недоразумение между монтаньярами и жирондистами, Робеспьером и Бриссо; оба были бойцами за одно и то же дело. - Политическое объяснение деизма Жан-Жака и Робеспьера. - Философские прения в клубе якобинцев. - Робеспьер, признавая существование Бога, отвергает бога богословов; он восстает против священников и всех нечестивых сект, узурпирующих Божье величие. - Прения эти производят глубокое впечатление в клубе якобинцев. - Бриссо превозносит энциклопедистов. - Робеспьер восхваляет Жан-Жака. - Несправедливый дух исключительности обеих сторон. - <...>

Как несправедливы к этой бессмертной эпохе были люди, видевшие в восторженном состоянии всех сердец одно лишь лишенное мысли движение морских волн во время бури. Вглядитесь попристальнее и увидите, что борьба того времени возникла в гораздо меньшей степени из-за соперничества честолюбий или оскорбленной гордости, чем из противопоставления философских учений. То было развитием века Дидро и Вольтера, века Жан-Жака, и идеи их из отвлеченностей пробились в жизнь, затем из насыщенной электричеством тучи прорвалась молния и место шумного, но еще мирного салона барона Гольбаха занял теперь форум.

В первом томе настоящего сочинения мы попытались точно определить обе крупные философские школы, между которыми поделился XVIII век: школу *сенсуалистическую* или *рационалистическую*, представителями которой были энциклопедисты, и школу *чувства*, имевшую своим представителем Руссо. И мы говорили:

что признавать идею исключительно дочерью *ощущения* значит обращать душу в рабыню чувств, низводить ее на положение птицы, которая даже в своем самом смелом полете влачит за собою в воздухе узы своего рабства;

что чрез *чувство* человек ширится во вне и щедро тратит свою духовную сущность, тогда как чрез *ощущение*, напротив, стремится все свести к своему «я»;

что, следовательно, выводом философии *ощущения* является *индивидуализм*;

и что к тому же приводит роковым образом и доктрина *рационализма*, если только ее преувеличить, так как разум - когда каждый ищет его на своей стороне - есть божество трудно познаваемое и разум, например, Вольтера не есть разум Паскаля.

Поэтому-то мы и видели, что вышло из беседований энциклопедистов, которые слушал, записывал, анализировал и сводил воедино Гельвеций! Из них вышла книга, изгонявшая из морального мира абсолюты, сводившая истину, добродетель, самоотвержение, героизм, гений просто к относительным понятиям, книга, отводившая человеческим страстям лишь один источник - физическую способность восприятия ощущений, а человеческим поступкам лишь один стимул - личный интерес; наконец, книга, которая на развалинах всего, что образует или поддерживает единство человеческих обществ, воздвигала бесконтрольную верховную власть личного «Я».

И вот именно эта-то доктрина и оказалась доктриною жирондистов и служила их исторической миссии. В самом деле, для чего они появились в революции? Для организации ли нового общества на начале единства человеческой семьи? Для того ли, чтобы навсегда уничтожить классовые различия? Для освобождения ли народа? Для упрочения ли нового мира? - Нет, они появились для того, чтобы освободить от всяких помех человека, который может дозвлеть самому себе, человека, обладающего образованием и богатством, т.е. буржуа; они явились для того, чтобы нанести последний удар господству священника и тирании дворянина, чтобы низвергнуть трон и провозгласить окончательное отрицание старого мира. А для этой отрицательной и разрушительной роли - впрочем, необходимой и величественной - доктрина чистого индивидуализма годилась как нельзя более.

Но Жан-Жак имел в виду не только дело разрушения, но и дело созидания. Он знал, дано ли бедняку, слабому, невежественному человеку дозвлеть самому себе; нельзя было не знать этого ему, человеку, который ребенком вынужден был таскаться из деревни в деревню, от одних дверей к другим, в бессилии и тая в себе скорбь своего, тогда еще неведомого гения, ему, который был некогда бродягой, нищим, лакеем! И вот почему, вместо того, чтобы превозносить *ощущение*, сводящее все к отдельному человеку, и *разум*, который разъединяет, он рекомендовал сближающее и объединяющее *чувство*.

Теперь, если поразмыслить над деятельностью, к которой призван был в революции Робеспьер, то легко будет понять, почему он должен был усвоить доктрину Руссо.

Отсюда-то в клубе якобинцев возгорелся спор, заполнивший собою последние дни апреля... Спор? Из-за чего же? Разве обе доктрины, о которых мы сейчас говорили, коренным образом несовместимы между собою? Разве нельзя было бы, не отбрасывая *чувства*, признать власть *ощущения* и оказать *разуму* подобающее ему почтение? Разве невозможно, не нанося обиды *ощущению* и *разуму*, выслушать голос *чувства*? Разве человек не обладает телом, умом и сердцем? И разве прогресс не был бы осуществлен при посредстве именно такой доктрины, которая гармонически объединяла бы эти три необходимые элемента человека, вместо противоположения их друг другу? О, конечно! Но наш ум, по природе, приходит к синтезу, лишь пройдя чрез анализ. Мы хватаемся по преимуществу за тот пункт, который наиболее соответствует нашей преобладающей способности; мы с любовью исследуем его и, если его оспаривают, начинаем защищать его с горячностью, которая очень скоро становится исключительною и побуждает нас относиться, как к врагам, к тем людям, которые - если взглянуть на дело пошире - часто являются нашими союзниками. Так поступали Вольтер и Жан-Жак; эти два гения, созданные для того, чтобы восполнять друг друга, эти два славных близнеца; так же поступали, после них, Бриссо и Робеспьер, жирондисты и монтаньяры, эти знаменитые соратники в великой битве того, что должно быть, с тем, что было. Бойцы за одно и то же дело, вы, считавшие себя врагами, да примирит вас признательность потомства!

Первым вопросом, из-за которого Робеспьер разошелся с жирондистами, был вопрос о существовании Бога.

Если бы представление о людской солидарности и об ассоциации всех живых сил во вселенной было в эпоху революции настолько полно, как оно стало теперь, благодаря современным трудам, то Робеспьер был бы, вероятно, пантеистом, в силу тесной и неизбежной аналогии, которая связывает метафизические верования с социальными убеждениями; он не разумел бы Бога, как особое существо, как существо личное, правящее мирами наподобие того, как правит своим царством государь; он поклонялся бы Богу в природе, а не вне ее, и пришел бы к признанию Его *душою вселенной*. Но тогда еще не пришло время для старания доказать, что возрождение общества должно вытекать из людской солидарности, приведенной в деятельное состояние. Робеспьер видел пред собою слабых, нуждавшихся в покровительстве, обездоленных, которых надо было спасать от заброшенности, народ, нуждавшийся в освобождении от двухвостого бича невежества и нищеты. А средством к тому являлось для него только вмешательство деятельной и справедливой власти. Значит, если он пришел к тому, что стал деистом, то не в силу потребности - как Вольтер - более или менее логически объяснить сотворение мира, а из потребности сохранить для слабых и угнетенных покровителя, который рано или поздно уравнивает чашки весов, и правосудие которого могло бы считаться как бы гарантией против бесконечности гнета.

Из числа философов XVIII века многие пришли к атеизму только под влиянием ужаса, которым переполнило их души зрелище фанатизма. Действительно, каков был до тех пор Бог священников? То был Бог, созданный по образу человека, да еще худшего из людей, Бог бурный, мстительный, неумолимый, карающий за однодневную провинность вечной агонией и предоставляющий своим, тварям свободы... спускаться по откосу в ад! Такого Бога, являвшегося образцом земных тиранов или, скорее, тираном, неподражаемым по необъятному варварству, люди, вроде барона Гольбаха до революции и Гаде во время самой революции, предпочитали вовсе отрицать во всеуслышание, чем признанием его существования оправдывать тех гнусных деспотов, протопопом которых сделало Его нечестивое духовенство. Но разве следовало смешивать идею деспотизма с идею опеки? И разве нельзя было, не отрицая Бога, дать Ему другое определение, чем данное софистами гнета, жестокими ханжами или кощунственными богословами? Такие мысли пришли в голову автору *Profession de foi du vicaire savoyard* («Исповедание веры савойского викария»), а также и его верному ученику, Робеспьеру. Будучи оба сторонниками попечительной власти, вмешательство которой помогло бы народу освободиться, они одновременно отвергли и созданное богословами представление о Боге, потому что оно клонилось к освящению тирании на земле, и представление атеистов, потому что оно освящало анархию среди людей, предполагая ее в небесах.

Торжественный и потрясающий характер носило то заседание, в котором после слова, одного только слова, произнесенного Робеспьером, Гаде поднял вопрос о Боге.

В адресе, прочитанном Робеспьером в клубе якобинцев, была следующая фраза:

«Не будь граждане так непоколебимо мужественны, не будь народ так непобедимо терпелив по своему высокому характеру, даже самому твердому человеку было бы позволительно утратить надежду на общественное спасение, когда Провидение, всегда пекущееся о нас гораздо лучше, чем наша собственная мудрость, поразив Леопольда, тем самым, по-видимому, расстраивает замыслы наших врагов». ¹⁾

Таким образом, Робеспьер признавал самого Бога сообщником народа в совершении того великого преступления, о которых так громко вопили священники, а именно революции; а самую революцию он выставлял в виде самого яркого доказательства существования той сверхчеловеческой логики, которая, если смотреть на дело широко, очевидно руководит как общим ходом, так и различными перипетиями истории. Именно это утверждал он в только что приведенных - и, притом, буквально - словах. Нисколько не отклоняясь от управляющих миром законов, слова эти подтверждают всеобщность и постоянное действие этих законов. Но только они, по видимому, относят их, под именем Провидения, к деятельности некоего Верховного Существа; другими словами, они являются исповеданием веры деиста; и в устах Робеспьера они были отголоском, разносившим в самый разгар бурь, среди шума форума, рискуя вызвать бешеное столкновение. Это было то самое, что было сказано *савойским викарием* за несколько лет перед тем, в менее бурное время, на вершине другого Сунийского мыса,²⁾ в прекрасный летний день, при блеске восходившего солнца, среди спокойного пейзажа, окаймленного вдали цепью гор: «Вечна ли или сотворена материя, существует ли или не существует пассивный принцип, все равно несомненно, что целое едино и указывает на единый ум; ибо я не вижу ничего, что не было бы предначертано одной и той же системой и не содействовало бы одной и той же цели, именно сохранению целого в установленном порядке. Это Существо, которое хочет и может, это само по себе деятельное Существо, это Существо, наконец, которое движет вселенную и все предначертывает, я называю Богом».³⁾

Однако Гаде осмелился назвать это *суеверием*. «Я слышал в этом адресе - горячо воскликнул он - частое повторение слова Провидение; мне кажется даже, что там сказано, что Провидение спасло нас помимо нашей воли. Признаюсь, что, не видя в этой мысли никакого смысла, я никогда не подумал бы, чтобы человек, так мужественно трудившийся в течение трех лет над избавлением народа от рабства деспотизма, мог способствовать затем возвращению его в рабство суеверия».⁴⁾

Слова эти сводили на очную ставку обе революционные школы, которые носил в своей груди XVIII век. Клуб якобинцев, казалось, раскололся. Одни разразились рукоплесканиями, другие стали роптать.⁵⁾

Тогда Робеспьер тотчас же, на этот раз без подготовки,⁶⁾ без колебаний и с тою многоречивостью, которая рвется из отдавшего себя целиком сердца, отвечал: «Я больше чем кто-либо питаю отвращение ко всем тем безбожным сектам, которые под личиною власти Провидения, создавшего природу и человечество, расплодилось в мире для споспешествования честолюбию, фанатизму и страстям; я очень далек от того, чтобы смешивать Его с теми глупцами, которыми вооружился деспотизм.⁷⁾ Я отстаиваю те вечные принципы, на которые опирается человеческая слабость, порываясь к добродетели. Это вовсе не пустые слова в моих устах, равно как и в устах стольких знаменитых людей, которые верили в существование Бога. При этих словах, в зале возобновился шум, но Робеспьер продолжал в глубоком волнении: «Нет, вы не заглушите моего голоса... Ссылаться на Провидение и выражать мысль, что есть вечное Существо, которое неуклонно влияет на судьбы наций и, мне кажется, особенно печется о французской революции, вовсе не значит высказывать мысль, слишком рискованную; нет, это чувство моего сердца, чувство, необходимое для меня, как для человека, который всегда находил в нем опору, когда в Учредительном Собрании против меня восставало столько страстей, велось столько гнусных интриг, и когда я был окружен таким множеством врагов. Как мог бы я один с моею душой выдержать борьбу, превышающую человеческую силу, если бы не возносился душою к Богу? ...»⁸⁾

Один с моею душой! Никогда из глубины совести не вырывалось более печального и более благородного вопля! Робеспьер прибавил:

«Французский народ, конечно, имеет некоторую долю в революции: без него мы еще были бы под игом деспотизма. Я сознаю, что все стоящие выше народа охотно отказались бы от всякой мысли о вмешательстве божества; но разве это оскорбление для народа и братски связанных обществ, если им говорят о покровительстве со стороны Бога, который, по моему мнению, так успешно содействует нам?»⁹⁾

В заключение, он попросил клуб решить, разделяет ли он эти принципы. Это вызвало сильнейший шум. Когда Силлери внес предложение о том, чтобы было постановлено напечатать речь, как частное мнение Робеспьера, среди присутствовавших проявилось бурное возбуждение. Председатель вынужден был сперва надеть шляпу, а затем закрыть заседание, и собрание разошлось в беспорядке.¹⁰⁾

Эта сцена произвела на жирондистов неизгладимое впечатление. Представление Робеспьера, поскольку оно связывалось с идеею о личном Боге, могло казаться весьма спорным, но неоспорим был великий характер верования, что французская революция является не случайным столкновением мимолетных интересов или страстей, а громадную драмой, необходимо и на веки занявшею свое особое место в таинственной координации человеческих дел. Какая сила, какое самоотречение, какое презрение к смерти, к заурядным заботам и честолюбивым поползновениям должны были выпасть на долю человеку, который верил в это и знал, что он один из главных действующих лиц такой драмы! Вот что поняли жирондисты. Робеспьер выступил теперь перед ними в новом освещении: в политическом и практическом деятеле они рассмотрели теперь могучего мечтателя, для мысли которого недостаточно узкого пространства между колыбелью и могилой; в находчивом, стойком, подозрительном трибуне они увидели философа, снедаемого божественною тоской и чувствующего, что он отмечен, как раскаленным клеймом, знаком predeterminedенной ему роли.

О, какое прискорбное действие оказывает даже на искренние натуры дух соперничества! Робеспьер, в этом новом освещении, показался жирондистам только еще более опасным и, следовательно, более достойным низвержения.

К тому же популярность его не переставала возрастать, и жирондисты, которые в это время господствовали над всем: над Собранием, тронем, коммунной печатью, клубами; жирондисты, для которых народное представительство было орудием, министры и парижский мэр являлись союзниками, множество влиятельных газет органами, при чем вожаками партии состояли столько отборных умов, - жирондисты изумлялись и раздражались этим противовесом их власти, противовесом, которым оказывался всего один человек, всего одно имя! В их глазах, преступлением его - и мы скоро услышим из уст Гаде наивное признание в этом - было то, что он стал кумиром народа

В том, что это могло быть называемо преступлением, виноват был несомненно Робеспьер. Даже очень замечательно, что его влияние на женщин было ни с чем несравнимо, на что Бриссо стал однажды довольно странно жаловаться.¹¹⁾ А между тем, лицом он не был привлекателен, манеры его были лишены грации и непринужденности; красноречию его не шли на помощь ни звук его голоса, ни жесты; за ним не числилось ни одной из тех слабостей, которые волнуют; сам же он, не обладая обилием качеств, которые могли бы быть отданы слишком нежной привязанности, казалось, старался замуровать свое сердце, и если из него иногда вырывались берущие за душу меланхолические ноты, то немедленно вслед за тем вновь выступало в нем отвлеченное существо.

Примечания

- 1) *Journal des debats des amis de la constitution*, заседание 26 марта 1792 года.
- 2) На мысе Сунуиме, в Аттике, нередко происходили собеседования Платона с его учениками (*Перевод*).
- 3) *Emile, Profession de foi du vicaire savoyard*.
- 4) *Journal des debats des amis de la constitution*, заседание 26-го марта 1792 года.
- 5) *Journal des debats des amis de la constitution*, заседание 26-го марта 1792 года.
- 6) Если импровизация когда-либо была очевидна, то именно в настоящем случае. Отчего же г. Мишле говорит, что «это была одна из тех ловко обработанных речей, из-за которых в мансарде Дюпле долго не гасилась лампа»? См. его *Hist. de la Rev.*, liv. VI, chap.VI, p.406. Даже и на этот счет не нашлось справедливости!
- 7) Из этого можно видеть, правда ли, - как уверяет г. Мишле, - будто Робеспьер, не давая надлежащего ответа и бросаясь из стороны в сторону, тем не менее весьма искусно... и т.д. Впрочем, г.Мишле, утверждающий (стр.401), что «Робеспьер родился священником и что женщины любили его как священника», весьма осторожно воздерживается от цитирования предшествующего места, а также и постоянных выходов против священников, которые встречаются в речи Робеспьера.
- 8) Ubi supra.
- 9) Ubi supra.
- 10) Ibidem.
- 11) См. вступление к его речи 25 апреля 1792 г. в клубе якобинцев, в *Bibliothèque historique de la Revolution*, 673, 4, 5. British Museum.